

Я не сразу заметил, что стены пещеры поменяли форму и цвет: теперь мы шли в круглом сером тоннеле, а далеко впереди маячило светлое окошко, похожее на растущую луну.

- Выходим на вулканические скалы, - пояснил Тошук. - В этом месте начинаются остатки древнего вулкана. Породы сложены туфом - вулканическим пеплом. Он довольно хрупкий - в сравнении, например, с базальтом, в который превратилась лава - поэтому легко поддается обработке. Там, наверху, много естественных пещерок, созданных эрозией. Они небольшие, но мы продлили некоторые из них, соединив с подземными ходами...

- Мы? Ты тоже в этом участвовал?

Тошук приостановился, видимо, раздумывая, надо мне сообщать или нет.

- Да. В прежние мои приезды я, так сказать, тут немного поволонтерил.

- Ого, надо было сказать Ержи, он бы не задавал вопросов. А тяжело было долбить породу?

- Терпимо.

Мы подползли к окошку в солнечный мир. Здесь тоннель сужался до предела: пролезать наверх можно было только по одному. Тошук сперва выбросил свой рюкзачок (в нем теперь было одно из моих одеял, потому что оба ко мне не помещались), а затем, просунув в отверстие руки и упираясь наверху за что-то невидимое, начал медленно, с кряхтением, выталкивать себя наверх. В пещере сделалось темно: он закрыл отверстие своим телом. Лампы мы оставили в нише в десяти метрах позади. Стоя в узком, почти вертикальном лазе, да еще и заткнутом сверху Тошуком, я впервые почувствовал что-то вроде клаустрофобии. Впрочем, окошко быстро открылось, и в него снова хлынул свет. Затем он снова пропал: это Тошук протянул руку за моим рюкзаком. Мое собственное проталкивание проходило проще, так как Тошук тащил меня за обе руки. Встав на ноги и оглянувшись, я понял, что место для потайного лаза выбрано как нельзя более удачно. Если не знать точно, что он здесь находится, его было бы очень трудно заметить. Вокруг входа росло несколько дубов с кривыми узловатыми стволами; но, даже если бы их не было, свет падал на скалу так, что щель казалась просто пятнышком тени.

- Уверен, что сверху ее не видно, - подтвердил Тошук мои мысли.

Мы пошли вниз по склону, без тропы, сквозь заросли кустообразных дубов и колючего можжевельника. Вокруг возвышались скальные уступы. Я долго гадал, где мы находимся и, наконец, сообразил. Часть сабинянской территории действительно перерезала гряда вулканического происхождения - это я знал еще в эпоху моих интернет-мечтаний (ах, как же давно это было!). Когда-то, много миллионов лет назад, она образовывала круглый кратер, но сейчас от него остались только западный и северный хребет. Как раз по ним и шла Стена, что было, конечно, очень удобно для охраны границы. Остальная часть кратера была разрушена и представляла собой разбросанные то тут, то там скальные группы. При этом горный хребет, как я уже говорил, шел на протяжении всей Стены. Это давало простодушным сабинянофилам возможность утверждать, что-де вся маленькая страна находится внутри гигантского жерла палеовулкана, не считая его обрушившейся морской части. Это была соблазнительная теория, однако вулканов площадью 300 кв.км, насколько я знаю, в обозримой геологической истории все же не было. На самом деле, оставшаяся часть хребта представляла собой окаменевший коралловый атолл - кажется, он был здесь еще до вулкана. Знакомые с геологией легко различали границу лавовых пород и известняка. Они сильно отличались и по цвету, и по текстуре. Многих это открытие огорчало, так как лишало Сабинянскую территорию символической симметричности. Вулкан, который укрыл в своем кратере маленькую райскую

коммуну, защитив ее от врагов – это было бы красиво. Однако, на мой взгляд, тот факт, что природа предоставила для ее защиты и вулкан, и окаменевшие коралловые рифы, выглядело не менее убедительным символом.

Я посмотрел назад. Вдалеке виднелась самая высокая часть хребта. Где-то там остался участок Стены, на котором шел предрассветный бой. Но сейчас ее уже не было видно. Вокруг царил тишина и безмятежность, и трудно было поверить, что совсем недавно (да еще и сейчас) на севере сгушались тревожные тучи. Я услышал шум ручья, а скоро и увидел его. Водяные струи, сверкая на солнце, теснились в расщелине между скал. Тошук привел меня к большой вымоине, служившей, видимо, купальней. Быстро раздевшись, мы с наслаждением погрузились в прозрачную воду. Не то чтобы мы успели сильно изжариться на солнце; я, который полдня провел в подземелье, еще и не согрелся как следует. Но мне так хотелось смыть с себя страхи, что я не побоялся обжигающего холода потока. Мы вылезли. Я готов был тут же идти дальше. Но, к моему удивлению, Тошук не торопился. Он отодвинул какой-то камень и достал спрятанный под ним мешочек, как оказалось – с сушеной травой. Он набрал в кулак пригоршню мелкой травяной пыли и опустил руку в воду, а когда вытащил, в ладони была однородная зеленоватая каша.

- Это можно есть? – спросил я.

Он усмехнулся.

- Да нет. Для еды у нас еще остались лепешки. Это для другого. Ты посмотри на свое отражение. А лучше – щеки руками потрогай.

Я потрогал и сразу понял, в чем дело. За последние дни я здорово оброс, хотя даже не вспоминал об этом. Тошук размазал зеленую кашу по своим щекам, и тут же, достав из рюкзака бритву, стал весьма ловко прохаживаться по коже. И, хотя он даже не смотрел на себя в воду, через несколько секунд его лицо было чисто выбрито. Я попробовал последовать его примеру. Тошук немного понаблюдал за моими стараниями, а затем, молча забрав у меня бритву, в два счета обскреб мой подбородок. Я ополоснулся и, дождавшись, пока вода успокоится, удовлетворенно осмотрел себя.

- Ну вот, теперь можно идти, – кивнул Тошук.

Мы снова запетляли между камнями и деревьями. Лишь когда ноги мои достаточно исцарапались об острые колючки и иглы можжевельника – джинсы им были не помеха – появилось некое подобие тропы. Она расширялась, и наконец превратилась в настоящую (по сабинянским меркам) дорогу. Скалы остались позади. Теперь мы спускались по естественным террасам, заросшим кустарникам и редкими деревцами. В какой-то момент кроны расступились, и впереди блеснуло море. И почти сразу до моего уха долетели голоса. Причем это был не отрывистый сабинянский стрекот, а слова английского языка. Там были наши спутники! Мы прибавили шагу, и точно: на маленькой полянке, около тонкого ручейка, что сочился по пологому каменистому руслу, сидела группа людей. Еще издали среди серых сабинянских рубищ я разглядел добротные цветастые футболки. О, голос Ченга! Его ни с кем не спутаешь. Рядом сидела Мария, напротив – Марино и Марк. У всех, кроме Ченга, был усталый вид. Хотя, заметив нас, они сразу приободрились. Ченг радостно замахал рукой.

- Давно не виделись! Особенно с вами, – он посмотрел на Тошука. – Знаете ли, тут такое было! Какие-то озлобленные леваки пытались прорваться за Стену!

Тошук поклонился сабинянам и присел в кружок к нашим.

- Да, мы это тоже видели. Они прорывались в разных местах.

Ченг немного стушевался. Он как-то не подумал о том, что мы с Тошуком тоже могли быть «на передовой».

- И как? У вас... кого-то ранило? – попытался он реабилитироваться.

- Э-гм... да. Но не так много, как могло бы быть.

- О, представляю себе! У нас, правда, хотя бы не стреляли, но лезли вверх, как пауки! А у вас, выходит, стреляли?...

Ченг был немного разочарован. Тошук кивнул.

- А мы застали уже вторую фазу, без оружия, - сказал Марино.

- Следом за вооруженными группами к Стене потянулся «планктон», - пояснил Марк. Он был серьезней обычного. Ни всегдашнего блокнота, ни флегматичного скепсиса как ни бывало. – Эти, должно быть, даже не были связаны с первыми. Узнали о побоище в интернете и ринулись «поддерживать».

- Было примерно так же, как в день нашего прохода, - добавил Марино.

- Только теперь их было несколько тысяч, и лезли они с разных мест. Похоже, это превращается в какой-то модный аттракцион.

- Но наши ребята сработали на отлично! – Ченг гордо мотнул головой в сторону сабинян. Как мне показалось, воинов среди них на сей раз не было – только «гражданские». – Молча, методично скидывали вниз одного за другим. Визгу-то, визгу было! Леваки снимали на телефоны свои разодранные коленки, красовались перед телекамерами. Но это больше походило на фарс.

- А точно никто не пострадал? Не расшибся, когда падал? – встревожено спросил я.

- Нет. Что им будет? Это ж профессионалы пиара. Их задача – засветиться в новостях. Им еще плохо наподдали!

- Один вроде пытался сделать вид, что насмерть разбился, но обошлось, - сказал Марк. – В отличие от Ченга, увиденное его мало воодушевило. – За ними по пятам бежали журналисты и летели коптеры. Случись хоть одна серьезная травма – боюсь, виноватой оказалась бы Сабиняния. Слава богу, вовремя подходила полиция и разгоняла этих резвунчиков. Они вопили, что идут то ли вызволять поработанных сабинян, то ли возвращать гражданам украденный сабинянами берег – вообще, непонятно что, все вместе.

- Такого раньше не было, - осмелилась вставить Мария. Видимо, она повторяла это уже не в первый раз. – Ну, митинговали под Стеной. Помните, об этом писал Меме? Ну, пытались перелезть. Но чтобы такая толпа, да еще со всех сторон! Право, это кто-то организовал, не иначе! Активизировались недруги Сабинянии!

- Не думаю, что тут требуется особая организация, - возразил молчавший доселе Тошук. – Просто людей за Стеной становится все больше. А сейчас, как можно заметить, еще и стоит сильная жара. Берег у них там сплошь застроен отелями, а в остатках лесов туристические группы ходят одна за другой. Это даже прогулкой не назвать. А тут, за Стеной - гигантский

пустой лес, пустые пляжи и горстка людей. Это – как плевок в душу. Добавьте к тому еще один момент: из-за многолюдья там никто никого не замечает. Ни в реале, ни в интернете. А забравшись на Стену Сабинянии, ты сразу оказываешься на виду. Впрочем, здесь такая масса соблазнов, что противостоять им очень сложно.

- Но почему именно сейчас? Не месяц, не год назад, а именно вчера и сегодня?

- Случайность. Равновесие настолько хрупкое, что достаточно дуновения ветра, чтобы все посыпалось. Ну не может быть такого, чтобы с одной стороны мембраны было адское давление, а с другой – пустота, и она при этом не прорвалась. Прорыв мог случиться в любой момент, и случился вчера.

- Вы словно защищаете этих мерзавцев! – возмутилась Мария. – Посмотрите на них – татуированные, обкуренные, в дредах! А на девиц их посмотрите! Они лезут сюда, чтобы уничтожить наш рай, чтобы его потребить, прожевать и выплюнуть. И еще прикрываются красивыми словами о каком-то освобождении...

- Так и есть, - смиренно ответил Тошук. – Они именно такие. Они – наиболее худшая и пассионарная часть той гигантской толпы, которая столпилась – образно говоря – за Стеной. Это не только те, кто физически бродит поблизости и завистливо поглядывает в нашу сторону, но и все те, кто сидит перед экранами своих компьютеров и смотрит в свои смартфоны. Все они хотят взять себе наш запретный плод. Кто-то при этом искренне уверен, что этим он принесет людям благо. Я никого не защищаю. Я боюсь их. Но пока я не знаю, как защитить Сабинянию, потому что сила напора на сей раз слишком велика. И, даже если сейчас удастся удержаться, следом придут новые и новые волны.

- Так давайте же, черт возьми, этого не допустим! – решительно крикнул Ченг.

Сабиняне, которые до этого общались своим кружком, разом обернулись в нашу сторону.

- Мы покажем им, что можем стоять до конца!

Мы с Тошуком молча переглянулись. Ченг хотел еще что-то сказать, но тут Сабиняне стали подниматься – краткая передышка закончилась. Наши тоже поспешно встали.

- А куда вы идете? К морю? – спросил я.

Марк открыл рот, что Ченг его опередил.

- Мы, конечно, уговаривали оставить нас на Стене, в помощь дозорным...

- ...и сбрасывателям леваков, - вставила Мария.

- ...но местное руководство, похоже, ждет какой-то диверсии со стороны моря. Думаю, это мудро. Не может быть, чтобы озверевшие толпы проигнорировали морской путь в рай. Новая атака точно будет с моря!

- Но им понадобится много катеров, - заметил Марино. – Где они возьмут столько? Разве только какие-нибудь вражеские спецслужбы их проспонсируют.

- Даже десяток катеров, если им удастся высадить хулиганов на берег, доставят много проблем. И обороняться от моторной лодки или гидроцикла гораздо сложнее, чем сбрасывать нарушителей со стены, - сказал Марк. – Ведь у сабинян-то моторок нет.

- А что мы хотим – тут всего две тысячи человек, да еще кучка экскурсантов. И такой огромный периметр надо охранять!

После удачной пиар-обороны я немного расслабился, но теперь понял, что рано. Конечно, так просто они не отступятся. Тем более, что непонятно, кто такие эти «они». Скорее всего, никакого конкретного орг-ядра за Стеной нет, если не считать отвязной группки анархистов. Можно сказать, это безличные орудия воли народных масс. Да, именно так. Массам плохо, тесно и душно, но, в отличие от прежних времен, они привыкли требовать реализации своих прав. А тут, к несчастью, объектом классовой ненависти стала маленькая кучка людей посреди слабо укрепленного заповедника. Боги, что же нам делать?

- А может, обратиться за помощью к какому-нибудь другому государству? – заговорил Марино.
- Предложить ему взять Сабинянию под свою опеку. Именно как природный заповедник. Биосферный резерват, или как это называют. Заповедники ведь обычно штурмом не берут. Все понимают, что они нужны для сохранения природы. А сабиняне внутри останутся жить, как...

- Как животные в вольере? Ты что, сошел с ума?! – гневно вскричала Мария.

- Полно, полно! – замахал руками Ченг. – Он уже и сам понял, что сказал ерунду. Мало того, что это унижительный статус индейцев в резервации, так еще и под управлением врага. Нет, я уверен, что многие согласятся. Еще и очередь выстроится! Да только вскоре новый хозяин примет решение сперва немножко понизить охранный статус, потом – изменить зонирование, следом – отрезать кусочек территории. И – пошло-поехало.

- Да, пожалуй, это не вариант. Но ведь надо что-то делать!

- Уверен, что жрецы что-нибудь придумают, – сказал Ченг, отдуваясь от быстрой ходьбы. – Говорят, они уже ведут переговоры с лидерами соседних держав. Ведь не случайно же полицейские активизировались!

Я отвернулся. Знал бы он, как ведутся эти переговоры!

Путь вниз был несравнимо легче, чем вверх, но моим спутникам все равно было тяжело: они несли тяжелую поклажу. Мы с Тошуком предложили кого-нибудь разгрузить. Ченг сначала отказывался, но потом вздохнул и сказал, что вообще-то ему досталась, должно быть, самая тяжелая котомка... Мы приостановились и перевьючили часть груза на себя. После этого Ченг, окрыленный внезапной легкостью, сразу вырвался вперед. Колонна еще не раз останавливалась, мы купались в ручьях и перекусывали. Один раз от нас неожиданно ушли две женщины. Кивок головы на прощанье – и все. Оказалось, что неподалеку было еще одно стойбище, и они направились туда. Потом таким же манером ушли трое мужчин. Потом добавилось еще двое – двое мужчин и девушка. И так, то и дело обновляя состав, мы двигались к морю. Мимо иногда попадались небольшие поля и огороды. Домов рядом не было, хотя везде кто-то работал. Пару раз мы встречали пасущихся овец и коз – обычно в сопровождении совсем юных пастушков. Мы обменивались поклонами и шли своей дорогой. Тропа то шла в тени дубов, то выходила на открытый травяной луг, то ныряла в заросли кустарников. Под конец уже никто не разговаривал – так натерли нам плечи неудобные мешки. Сабиняне, шагавшие впереди, сильно обогнали нас, и теперь изредка появлялись на вершине очередного холма, чтобы снова надолго скрыться из виду. Солнце садилось. Закатные лучи окрасили листву в смесь золотого и розового. Когда мы поднимались над лесом, впереди открывалось море – голубое и огромное, с дымкой на горизонте. Потом оно снова исчезало, и мы уходили под темный полог деревьев. Спуск стал почти пологим. Мы пошли руслом широкого ручья, и нас с двух сторон обступили стены кулуара – где-то скалистые, а где-то заросшие дубами и

можжевельником. Ветви деревьев, опускавшиеся к самой воде, не давали увидеть то, что было впереди. По моим расчетам, мы давно уже должны были оказаться на берегу. Но кулуар все не кончался. От усталости я уже готов был презреть всякое достоинство и первым усесться посреди дороги. Должно быть, природа услышала мое желание, потому что тотчас впереди зашуршал далекий прибой.

Вскоре кроны расступились, мы увидели расширяющееся устье ручья, а за ним – море! Пляж был совсем близко. Каменистые склоны упирались в него и, не сумев преодолеть широкой песчаной дюны, лежащей тугим валиком вдоль пляжа, обрывались и терялись в песке. Когда мы проходили последние утесы, я заметил справа и слева от ручья входы в пещеры, завешанные трепещущими тряпками. В одной из щелей мелькнула человеческая фигура. Заметив нас, мужчина (ему было лет пятьдесят) выглянул, вежливо кивнул и снова скрылся.

- Живут, как пещерные люди, - слабым голосом сказал Марино.

Он устал, как и все мы, и шутить не получалось.

- Зато с моря эти дома не видны. И безопасность, и защита от ветра, - изрек Ченг.

- Куда же нам теперь идти? Провожатые куда-то подевались, - вздохнул Марк.

Видимо, он тоже не прочь был посидеть. Но Тошук, ни слова не говоря, обошел всех и двинулся к пляжу. Мы побрели за ним печальной согбенной вереницей. Открылась длинная полоса песка. Над ней в обе стороны тянулись подмытые прибоем высокие уступы. Справа и слева, очень далеко, пляж заканчивался вдающимися в море скалистыми мысами, о которые разбивались волны. На берегу не было заметно никаких следов человеческого пребывания – ни сетей, ни лодок. Ветер слегка покачивал ветки кустарников, теснившихся у подножия уступа. Солнце уже скрылось за скалу, и начинало темнеть.

- Где же они все? Здесь никого нет, - непроизвольно вырвалось у меня.

- Спокойно. Жилища спрятаны в щелях. Иначе бы их разворотило ветром и прибоем.

И правда: через пятьдесят метров слева в скале показался узкий заулочек. Оттуда навстречу нам вышла женщина (лицо ее было мне знакомо; должно быть, я видел ее на одном из предыдущих стойбищ). Поклонившись, она позвала нас за собой. Вглубь и вверх по утесу шел извилистый кулуар. Можно было принять его за русло ручья. Но, начав подниматься, я понял, что он был рукотворным, во всяком случае, частично. По сторонам его на разных уровнях виднелись входы в пещерки. Судя по их количеству, внутри этот монолитный утес походил на источенный ходами муравейник. Но что было особенно примечательно, все входы были устроены так, что ни один из них не был виден со стороны моря. Чтобы узнать, что здесь кто-то прячется, нужно было залезть в кулуар. А значит, стать уязвимым для его обитателей. В самом низу я увидел торчащую из кустов корму лодки. Ах, так вот где их хранят! Песок у подножия скалы был подрыт, и там, под покровом листьев, помещалось в ряд несколько сабинянских суденышек.

Карабкаясь наверх по кулуару, вскоре мы были уже метрах в десяти над пляжем. Борта его имели такую высоту и наклон, что сверху было видно почти все, тогда как снизу люди не были видны, если только не высывались специально. На каждом шагу были новые пещеры, завешенные тряпьем, но вокруг было тихо. Хотя, возможно, шорохи внутри жилищ заглушал ветер. Еще не настолько стемнело, чтобы свет ламп пробивался сквозь слои ткани, и дома казались необитаемыми.

Наша провожатая ненадолго исчезла, а потом снова показалась – на сей раз на самом верху, у торчащего над пляжем скального останца.

- Снимайте поклажу и оставляйте, а сами поднимайтесь сюда! Должно быть, вы мечтаете принять горизонтальное положение, верно?

Она улыбнулось, и у меня на душе сразу потеплело. Значит, и в этом молчаливом скальном поселении нас знают и ждут! Мы живо отвязали наши котомки и сложили под ближайшим пологом – там оказался вещевой склад – а сами полезли наверх. Под останцом притулилась еще одна пещерка, спрятанная не хуже, чем тот лаз, через который мы с Тошуком выбирались днем. Хотя там не было деревьев, но, думаю, она была бы незаметна и с вертолета, и со спутника. Женщина ждала нас рядом. Она хотела отодвинуть полог, но вдруг он зашевелился и отодвинулся сам! И что же я увидел за ним? Улыбающееся лицо, обрамленное тремя белокурыми хвостами!

- Трех... Ох, прости... Здравствуй, Эгр!

Он замахал рукой.

- Ничего, ничего, все в порядке. Тут многие называют меня Треххвостым. Сам стараюсь, чуть свет их заплетаю! Ну ладно, забирайтесь внутрь. Тут у нас все удобства, двухместные номера!

Я остановился, открыв рот – так много мне хотелось спросить у него. Но сзади ждали товарищи, и расспросы пришлось отложить. Да и Ченг, наверное, не преминет взять торжественное интервью у «защитника отечества». Признаться, мне этого не хотелось, и я пожалел, что Ченга не поселили отдельно. Но делать было нечего. Мы заползли в круглую тесную нору, освещенную изнутри одной слабенькой лампой. Лампа помещалась на возвышении, устроенном посередине; для устойчивости в нем была выбита ямка. Над лампой я заметил узкое отверстие, выводящее наверх: это был ответ на мой вопрос, каким образом из пещеры уходят продукты сгорания. В эту импровизированную «гостиную» (она была площадью всего метров 5-6, и не имела ни одной ровной поверхности) выходили еще несколько норок поменьше, пробитых на разных уровнях. Там, по-видимому, можно было расположиться разве что сидя, но никак не стоя. Сейчас там уже лежали несколько человек. И это были все мои знакомые! С верхней лежанки высунулся Двукосый-Гор. Снизу приветливо кивнул Многокосый. Рядом с ним, приподнявшись на локтях, появился талантливый математик Чит. Наконец-то я его узнал! Около Гора было свободное место, и Треххвостый принялся подсаживать туда Марино. Тошук, чтобы занимать поменьше места, сразу забрался в пустующую норку напротив Чита. Наверное, он думал, что я устроюсь рядом с ним, да и я собирался это сделать. Но вдруг Ченг, который не заметил других мест, проворно закинул свой рюкзачок рядом с Тошуком.

- Не помешаю?

Тошук опустил глаза.

- Н-нет, конечно.

Марку досталось место рядом с чьей-то круглой стриженной головой. Голова приподнялась и оказалась... Сотом! Все герои вчерашнего сражения были в сборе. Но вели себя так, словно его и не было. Словно стрелы, копья, кровь и мертвецы были лишь страшным ночным кошмаром.

Марк хотел уже сунуться в свою щель, но внезапно остановился. Все обернулись к нему.

- Ох, нет, не могу.

- Что такое?

- Э-э, я должен сказать, что у меня... клаустрофобия, - виновато выдавил он.

При свете лампы было видно, как он вспотел.

- Дружище, здесь нет других вариантов... - наставительно начал Ченг, но Треххвостый его прервал.

- Если тяжело лезть в нору - ложись прямо тут, под лампой, - небрежно сказал он.

Сот, услышав это, завозился и вытащил скатанный матрасик и одеяло. Все это он по очереди передал Марку.

- Тут справишься?

Марк молча кивнул.

- Да уж, к этим ласточкиным гнездам надо привыкнуть, - заметил Треххвостый, помогая ему. - Особенно тяжело приходится Саману.

- А кто это?

- Мой друг. Сейчас служит в Восточном отряде. А прежде был рыбаком. Он великан. Ну, по нашим меркам великан. 190 сантиметров!

- Да уж, действительно.

- Гм, а по-моему, тут вполне удобно, - снова вступил Ченг, но его опять прервали, на сей раз Марино.

- А где Мария? Вроде она была все время с нами, а теперь куда-то подевалась.

- Да, действительно...

Ченг смутился. Мария была самой верной его почитательницей, а он, оказывается, даже не заметил ее исчезновения.

- Ее Тшат увела. В женское жилище, - ответил Тошук, устраивая себе подушку.

- А, ну конечно! Я так и подумал. Что ж, гендерная сегрегация - это естественно для традиционного образа жизни. А в чем-то даже удобно! - Ченг усмехнулся.

В «гостиной» оставались лишь Марк, Треххвостый и я.

- А ты что не укладываешься? - посмотрел на меня Треххвостый. Он показал глазами на одну из верхних лежанок, которая оставалась свободной. - Или, может, тебе сперва отхожее место показать? Да, ребята, если кому нужно, скажите. И вот еще что: я ведь не предложил поесть. Ужин уже закончился, но у нас тут припасены лепешки и вода.

- Спасибо, но я, наверное, чуть попозже, - забормотал я, забираясь по выщерблинам вверх. - Сначала немножко полежу...

Мне пришло в голову сравнение со спальными полками в поезде, но как следует обдумать его я не успел. Я так устал, что, стоило растянуться на матрасике, как я тут же провалился в сон.

Первое, что я увидел после пробуждения, был тонкий лучик солнца, падающий из вентиляционного окошка на потухшую лампу. Но и помимо него, в комнату – если ее так можно было назвать – проникал свет. Он просачивался сквозь многослойный входной полог. Половина полок были пусты: сабиняне исчезли, высывались только головы моих товарищей. Тошука тоже не было. Я живо вскочил и, так как вчера не успел даже раздеться, сразу вылез наружу. Уже почти рассвело: должно быть, все давно встали. Хотя видел я только верхнюю часть кулуара, до меня доносились отрывистые голоса. Впрочем, все заглушал шум прибора. Набегавшие волны сверкали на солнце и шуршали по песку где-то внизу. Я стал осторожно спускаться. Оказалось, это гораздо сложнее, чем лезть вверх. Думая, куда бы поставить ногу, я оглянулся и вдруг увидел голову Гора: он выглядывал из боковой «улучки».

- Если что, наше отхожее место – здесь, - он показал рукой.

Уже не первый раз мы с ним пересекаемся вблизи этого важного объекта, шутливо подумал я. Найдя туалет и сделав все, что мне было нужно (на сей раз конструкция его была более технологичной; я заметил там даже примитивную дренажно-очистную систему, что объяснялось, видимо, близостью моря), я снова полез по главному проходу. На сей раз мне попался Чит.

- Идешь с нами в море? – спросил он, даже не поздоровавшись.

- В море? С вами? О да, да, конечно!

Я надеялся на это приглашение, но сейчас немного опешил от неожиданности.

- Тогда иди скорей поешь. Ты же вчера не ужинал.

Он задумался – видимо, как объяснить мне, где находится кухня. Но, решив, что быстрее будет просто показать, поманил меня рукой и повел за собой. Вскоре показалась пещерка, полог которой был поднят; оказалось, это не спальня, а проход в другой коридор, похожий на наш. Пригнувшись, мы нырнули туда, а пройдя немного вниз, снова свернули вбок. «Настоящий пещерный лабиринт! – думал я. – Хорошо хоть, что он открытый. А то бы я почувствовал то же, что Марк». Наконец, мы попали в круглую, выщербленную в скале котловину. Посреди был устроен очаг, а вокруг на каменных скамьях сидели люди. Даже в сравнении с другими сабинянскими кухнями обстановка была крайне аскетичная. Утвари было по-минимуму. Чтобы не занимать места, припасы извлекались из двух маленьких норок, выходивших в костровую зону. Должно быть, ночью накрапывал небольшой дождь, потому что скалы были еще сырыми, а кухня частично была закрыта тентом. Натянуть его здесь было несложно: сверху по периметру котловины из скалы торчали крюки. Кое-где такие же крепежи я заметил и над коридорами. Но в целом, видимо, укрывать проходы не требовалось, так как все они были сделаны с уклоном к морю, и вода все равно быстро стекала вниз.

У костра я увидел знакомое лицо – это была наша вчерашняя провожатая. В углу, за котлами, еще кто-то возился. Женщина подняла голову и оказалась Марией.

- Привет! Ого, как ты рано встала!

- Рано? Да уж день давно. А остальные? Неужели еще спят?

Она говорила тоном деревенской хозяйки, которая ворчит на ленивых горожан.

- Скоро придут... Не найдется ли мисочки каши?

- Найдется, найдется! – опередила Марию повариха. – Если что, не обессудь. Здешний повар сегодня ушел в море, а я не очень хорошо готовлю.

Я вспомнил Меб, которая говорила то же самое, но еда ее была вполне удовлетворительна. Поблагодарив и усевшись на полочку, я принялся есть, запивая чаем. Каша на сей раз она имела сильный вкус рыбы – впрочем, здесь это было неудивительно. В «кухне» одновременно помещалось не более десяти едоков, поэтому здесь особенно не рассиживались. Поев, рыбаки быстро уходили, а на их место заступали новые. Я вытянул шею, пытаясь увидеть очередь из ожидающих, но ничего такого не было. Неужели они и тут мысленно договариваются, кто пойдет первым, кто вторым? Тогда это была бы замечательная идея для СССР. Ведь его погубили, как известно, именно очереди. А впрочем, наверное, не только...

С моего места был виден морской горизонт и несколько лодок. Издали казалось, что они стоят на месте.

- Это нарушители? – спросил я парня, сидящего рядом.

- Нет, это наши. Граница территориальных вод проходит дальше. Они бы не успели так близко подойти к берегу. Им бы не дали.

Он ничуть не хвастался.

- А наши – это патрули?

- Пока просто рыбаки. Но если понадобится, превратятся и в патрулей, и в солдат.

В кухню из коридорчика всунулась голова Двукосого.

- Как закончишь, спускайся вниз. Мы скоро отходим.

Я торопливо доел и выбрался в проход. Сначала я не сообразил, куда лучше идти – направо или налево, и даже подумал было лезть напрямик по скале. Но один из встреченных по пути мужчин сразу угадал мои мысли и предложил проводить. Быстро лавируя по коридорам, мы добрались до песка. Вдоль воды уже готовились к отплытию пара десятков больших лодок. Я безошибочно узнал нашу: внутри хозяйничал Треххвостый, а Гор, Чит и Многокосый стояли рядом, ожидая команды.

- Прыгай сюда! – позвал меня Эгр.

Шлепая по воде, я подбежал и неловко перевалился через борт. Эгр, наоборот, вылез и подошел к остальным. Навалившись с кормы, они начали медленно сдвигать лодку. Под днищем зашуршал песок.

- Эй, погодите, я вылезу! Вам же тяжело!

В ответ Треххвостый усмехнулся. «Конечно, тяжело», - говорил его взгляд. – «Но без тебя будет уж слишком легко и неинтересно». Лодка соскользнула на воду. Солдаты один за другим попрыгали внутрь, обрызгав меня с ног до головы. Последним забрался Треххвостый. Он уже был в воде по грудь, и товарищи разом отклонились на другой борт, чтобы он не опрокинул лодку, когда подтягивался.

Вчера, пока мы шли сюда, я все думал, что спрошу у Эгра, когда увижу его. Ведь он собственноручно лишил жизни не менее трех-четырех человек, и еще по столько же убили каждый из его подчиненных. Не может быть, чтобы это не беспокоило их. Они только с виду похожи на древних воинов без страха и упрека. На самом деле они – я знал это – измученные сомнениями наши современники, усилием воли решившие поиграть в воинов. Но игра зашла очень далеко... Эгр был близко от меня, и я спокойно мог обратиться к нему так, чтобы никто не услышал. Но, повернувшись и заглянув в его глаза, я понял, что ни о чем не стану спрашивать. Он широко улыбнулся, подхватил весло и начал вместе со всеми грести в сторону открытого моря. «Ну а как ты думал?» - словно спрашивал его взгляд. И мне сразу все стало ясно. И то, как ему невыносимо тяжело при мысли о причиненных смертях. И то, что он никогда никому в этом не признается. «Он удивительный человек», - подумал я. Я решил, что должен забыть обо всем, чтобы мои мысли не добавили горечи в чашу его печали. Поэтому я старался смотреть на солнце, на море, на сильных гребцов, на Эгра, который как всегда был краше всех, и радоваться всему, что я вижу, чтобы мой дорогой друг – мне бы так хотелось называть его другом! - мог зачерпнуть утешения из моей радости.

Лодки уже отошли довольно далеко. Мы держались группами: кроме нас, рядом шли еще три экипажа по 4-6 человек. Из них половину составляли, как мне казалось, солдаты, а половину - «гражданские» рыбаки. Многие лица были мне знакомы. За кормового в соседней лодке сидел Сот. Я не хотел быть праздным пассажиром и, выждав немного, робко попросил дать мне весло. К моему удивлению, Эгр что-то щелкнул Читу, который был ближе к носу, и тот выудил из-под груды сваленных сетей длинное обточенное весло. Нашлась и свободная уключина; я установил весло и принялся старательно черпать им верхушки волн. Не могу сказать, чтобы это сильно помогало в нашем продвижении, но я хоть как-то участвовал, и это меня успокаивало. Позади открылся берег во всю ширину: я видел скалистые русла ручьев, обрамлявших наш пляж, а по обе стороны от них – другие, соседние пляжи. Должно быть, там тоже есть рыбацьи стойбища. И наверное, там тоже вместе с рыбаками в море выходят солдаты, опасаясь диверсий... Во всяком случае, лодки сейчас расползлись по всей сабинянской акватории. Я и не догадывался, что их здесь так много. На берегу вверх и вдаль уходили залесенные террасы. Иногда виднелись пустые пространства полей или торчащие зубья скал. Вот-вот должен был показаться край вулканического хребта.

Мои товарищи тем временем принялись разматывать сеть и потихоньку спускать ее в воду. Она не тонула: мешали пемзовые поплавки. Я тоже, как мог, пытался помогать, но больше мешал. Соседняя лодка подошла поближе. Сот, перегнувшись через борт, поймал край сети и закрепил его у себя. Дальше, как я догадался, методика лова стала напоминать трал: лодки встали параллельно друг другу и пошли вперед, волоча позади дугообразно изогнутую сеть. Два других экипажа метрах в трехстах от нас делали то же самое. Другие лодки отплыли еще дальше, но тоже шли парами. Как объяснил мне Гор, в это время дня здесь у самой поверхности ходят рыбы косяки. Если грести достаточно быстро, то они не успевают уйти и часть рыбы запутывается. Но легко сказать «быстро грести»! Наши гребцы работали, как сумасшедшие. Дул свежий ветерок, и я даже успел прозябнуть, а с моих коллег ручьями лил пот. Их весла мелькали, как птичьи крылья в полете. Увы, мое весло летало не так быстро, но все же из принципа я не прекращал грести. Многокосый знаком попросил меня убрать весло и пересест на его место; оказалось, он хочет направить сеть. Вот тогда-то я увидел первую рыбу спину. Сеть приподнялась, и в воде замелькали серебристые полоски. Тут наша и соседняя лодки начали сближаться. Эгр заворачивал, да так быстро, то я подумал – мы вот-вот столкнемся. Но в последний момент экипажи синхронно подняли весла, борта мягко встретились, и тут же Гор и Сот ловко соединили концы сети. Затем они стали тянуть за веревки и собирать ее в мешок. Как же запрыгала рыба! Она осознала, что попала в ловушку, но было поздно. Несколько отточенных движений, и вот большой комок, наполненный

шевелиющимися чешуйчатými пленниками, поднят из воды и брошен на дно между гребцами. Мы принялись выковыривать запутавшуюся рыбу. Я от волнения упустил одну – она выскользнула между ладонями, прыгнула вверх и исчезла в воде. Я забормотал извинения, но Эгр и остальные только добродушно засмеялись. Правда, потом такое же случилось и у Эгра. Но остальной улов был надежно уложен на дно лодки, и тут уж, как не трепыхались бедные рыбины, надежд на спасение у них не было. Должно быть, следовало им посочувствовать. Наверное, наши наиболее убежденные веганы так и сделали бы. «Бедный Тим, - подумал я. – Он же не ест даже рыбу. Что же он будет делать, если здесь окажется? Здесь даже кашу с рыбой готовят». Однако я тут же забыл и о Тиме, и об этическом аспекте рыбной ловли, так увлек меня сам процесс – древний, как само человечество. Увы, правду говорят: традиция не всегда этична.

- Сегодня удачный день! – сказал Многокосый, показав подбородком за соседние лодки.

Там тоже шла выгрузка улова. Насколько повезло остальным, не знаю: на фоне горизонта были видны лишь их темные силуэты. Но по тому, как мало они передвигались, я заключил, что чешуйчатых стад хватает на всех. Гор достал из-под скамьи бурдюк с водой. Мы все по очереди сделали несколько больших глотков и снова принялись за распутывание. Когда сеть была готова, Гор с Читом начали снова потихоньку выпускать ее. Солнце уже поднялось достаточно высоко, и я снял кофту. Но тут, к моему удивлению, Эгр как будто потерял интерес к рыбалке. Он уже с минуту сидел, неподвижно глядя в одну точку на горизонте. Там не было наших лодок, и вообще непонятно было, что он видит в дымке, где перемешивались небо и море. Гор, видно, заметил это и что-то спросил на своем языке. Эгр ответил, и спуск сети продолжился. Сот с товарищами снова поймали свой конец, и снова начался забег наперегонки с рыбой. Теперь уж и я изрядно вспотел. Во-первых, потому, что стало припекать, а во-вторых, потому что наконец-то приноровился правильно грести и теперь мои усиленные взмахи веслом имели смысл. Этот раунд показался мне особенно долгим. Я уже хотел было напомнить Треххвостому, что рыба, должно быть, уже смирилась со своей участью и никуда не сбежит из сети. Но тут он сам пошел на сближение с Сотом. На этот раз после стыковки сеть передали им, и настала их очередь выгребать рыбины спины. Пользуясь передышкой, я прилег отдышаться на дно лодки. Прямо перед моим лицом оказалась морда умирающей рыбины – она слабо открывала рот, задыхаясь от воздуха – но мне было все равно. Я зажмурился. Однако через минуту что-то заставило меня открыть их и вскочить. Все было как прежде – коллеги Сота опорожняли сеть, а мои товарищи неподвижно сидели, глядя на горизонт. Но теперь и мне показалось, что я что-то вижу в дымке. Какой-то холмик... Да пожалуй, и не один. И они приближаются. Так и есть – это лодки! И, судя, по скорости, лодки с моторами! Неужели...

- Они решили напасть с моря, и их много, - сказал Чит, отвечая моим мыслям.